

*Чарли, Элли и Тому.
Вы — мой мир.*

Глава первая

Июнь 1990 года

Я извиваюсь, пытаюсь высвободить свои руки из веревки, связывающей их за спиной. Еще одна стягивает мои лодыжки. Тесный багажник, пахнущий бензином и резиной. К горлу подступает тошнота. Через наволочку на лице я втягиваю в легкие спертый воздух. Свернувшись калачиком, я в десятый раз пытаюсь просунуть ноги сквозь путы на руках. Если удастся выставить ладони перед собой, у меня появится небольшой шанс дать отпор. В теперешнем положении я беспомощен, как индейка на День благодарения.

Но все бесполезно. Здесь недостаточно места, а я не отличаюсь гибкостью. Мое плечо плотно прижато к запасному колесу. Рука, на которой я лежу, онемела, и каждый раз, когда я переносу свой вес, к ней приливает немного крови, а следом появляется ощущение огненных булавочных уколов. Снова и снова сгибаю пальцы, пытаюсь усилить кровообращение, но мои движения ограничены.

Несколько секунд я лежу неподвижно, восстанавливая дыхание.

Мне не стоит удивляться. Этот момент — следствие всей моей жизни. Каждое неправильное решение, каждый необдуманый поступок привели меня сюда. Я не питаю

никаких иллюзий относительно того, что со мной произойдет. Я буду мертв еще до того, как закончится ночь. Я задумываюсь о своей семье. Станут ли они скучать по мне?

Простите. За все.

Я не ангел, и за свою жизнь натворил немало плохого. Единственный раз я принял верное решение, единственный раз я отстаивал то, что правильно, и я нахожу иронию в том, именно этот выбор убивает меня. О чем я только думал? Чего надеялся добиться? Мысль о том, что я превращусь в порядочного человека, смехотворна. Совокупная тяжесть моих грехов слишком велика, чтобы ее можно было уравновесить.

Я безнадежный случай.

Машина накренилась и подпрыгнула; скорее всего, это значит, что мы съехали с асфальтированной дороги. Уже недолго. Оставшееся мне время исчисляется в минутах. Нервный пот выступает у меня подмышками, и я чувствую запах собственного страха. Не знаю, почему я боюсь. Не то чтобы я лишаяюсь богатой, полноценной жизни — говоря по правде, я едва справлялся в последние дни, влача жалкое существование. Что я теряю?

Машина остановилась, двигатель заглушен. Несмотря на мои попытки встретить свой конец спокойно, желчь подступает к горлу, и я начинаю дрожать — не мелкой дрожью, а унижительной, сотрясающей все тело.

Моя жизнь, вероятно, была дерьмовой, вот только я все равно не хочу умирать.

Хватит!

Уважать меня не за что, но по крайней мере я могу умереть, сохраняя достоинство. Я не хочу встретить смерть хныча и в слезах. Я могу хотя бы напоследок попытаться показать класс и повести себя, как мужчина!

Я слышу, как открывается багажник. Влажный ночной воздух обдувает мою покрытую потом кожу, вызывая мурашки на руках. Звучит голос:

— Вылезай.

— Пожалуйста! — слышу я свою мольбу, будто я и без того недостаточно унижен. *Имей хоть немного гордости!* Но первобытный инстинкт самосохранения пересиливает мое желание вести себя достойно. Я не могу его перебороть.

Я слышу, как щелкает складной нож. Ужас переполняет мое сердце, которое я не в состоянии контролировать, потому что оно трепещет, как безумная колибри. Но меня не бьют ножом — он разрезает веревки вокруг моих лодыжек. Я двигаю ногами, ощущая прилив горячей крови в свои оживающие ступни. Я бы хотел пнуть *его* прямо в гребаное лицо, но я ничего не вижу, а после по меньшей мере часа, проведенного в багажнике в скрюченном положении, мои ноги слишком слабы.

Наволочку срывают с моей головы. Я глотаю свежий воздух, словно побывал под водой.

— Вылезай, на хрен, из багажника!

Я слышу лай собак — больших собак. Одна начинает выть, и остальные присоединяются к ней, подобно стае, готовой к охоте. От этого тонкого звука волосы на моем затылке встают дыбом, а внутри все сжимается от страха. Это недружелюбные домашние животные — это голодные звери, готовые при первой возможности разорвать в клочья меня или друг друга.

— Шевелись! — рявкает *он*.

— Зачем? — Я обретаю дар речи и надеюсь, что мой голос не выдает, насколько я испуган. — Ты все равно убьешь меня.

— Потому что, если ты этого не сделаешь, тебе будет очень больно.

Я видел его в действии. Это не пустая угроза. Чтобы доказать свои слова, он тычет в меня кончиком ножа. Острие впивается мне в плечо. Я чувствую, как кровь течет из раны и теплой струйкой ползет по моей руке.

Я свешиваю ноги через край и принимаю сидячее положение. С руками, все еще связанными за спиной, задача требует усилий, и я тяжело дышу. Замираю в таком положении на несколько секунд, вдыхая ночь и то, что наверняка станет моими последними мгновениями на этой земле.

Надо мной нависает тень сарая. Я смотрю на небо и замечаю Большую Медведицу. Мои чувства обостряются. Звезды кажутся ярче, а запах сосны в воздухе резче. Облака заволакивают луну, затемняя летнюю ночь.

— Иди! — Он будто лает команду, звуча так же злобно, как и собаки.

Я колеблюсь, тогда он вытаскивает пистолет из кармана и машет им в сторону сарая. Я переносу свой вес на ноги и встаю. Мои колени трясутся, тем не менее я контролирую их. Первые несколько шагов неуверенны, однако по мере того как я двигаюсь, они становятся тверже. Бросаю взгляд на лес за сараем, размышляя о бегстве.

Разве мне есть что терять?

Я устремляюсь вперед так быстро, как могу, но делаю ровно три шага. Сильная рука хватается меня за волосы, и моя голова откидывается назад. Я падаю на задницу. Боль пронзает мой копчик и поднимается вверх по позвоночнику.

Он стискивает мое плечо и рывком поднимает на ноги.

— Это глупо.

Ага.

Кажется, сегодня моей глупости не будет конца.

Меня практически волокут к сараю, мои связанные руки напоминают куриные крылышки. Он обходит меня и дергает дверь, которая открывается без особых усилий,

несмотря на возраст, вес и отсутствие технического обслуживания. Так качественно в наши дни уже не строят. Мир катится в ад.

А я?

Он загоняет меня внутрь, закрывает за нами дверь и включает свет. Сарай по большей части используется для хранения вещей. Я вижу трактор в одном углу, кучу хлама в другом. Несколько животных занимают загон в дальнем конце помещения. Им не нравится вторжение в их тихую ночь. Солома шуршит от их нервных движений. Блеет коза. Старый пони просунул морду сквозь щель и уставился на меня. Про себя я надеюсь, что выстрел их не напугает, как бы смешно это ни звучало.

Он толкает меня. Я обо что-то спотыкаюсь и теряю равновесие. Со связанными за спиной руками удержаться невозможно, и я падаю. Мои колени ударяются о землю, и зубы клацают. Стоя на коленях, я чувствую запах навоза и понимаю, что споткнулся о кучу звериного дерьма.

Здесь уже лежит женщина. Она мертва!?

Он подходит ко мне, поднимает пистолет и проверяет, есть ли патрон в патроннике. Он готов.

— Все, чего я хотел, — это капельку верности. Я что, слишком многого просил?

— По-видимому, да. — Даже не понимаю, почему я решил сегодня вечером обозначить границы морали, после того как всю свою жизнь не слишком заботился об этических нормах. Я даже не собирался умирать на дурацком холме добродетели, предполагая закончить свои дни в грязи, где и провел большую часть времени.

Возможно, именно этого я и заслуживаю. Хочется уйти смело и гордо, но у меня просто недостает сил. Делая выбор, который привел меня сюда, я израсходовал единственную имеющуюся каплю мужества.

— Ты пытался предать меня, — цедит он.

— Я пытался поступить правильно.

Какого хрена? Я все равно умру. С чего бы мне оправдываться?

Наши взгляды встречаются. Его глаза такие же холодные и темные, как обычно. Я не утруждаю себя мольбой о прощении. В его душе нет ни капли милосердия.

— Давай! Убей меня! Мы оба знаем, что ты собираешься это сделать. — Я пытаюсь собраться с духом, но это больше похоже на признание поражения.

Он достает из кармана пару болторезов.

— О, я действительно собираюсь убить тебя, но сначала ты должен заплатить за свое предательство.

Он разжимает ладонь моей заведенной за спину руки. Я сопротивляюсь, паника подскакивает к моему горлу, точно животное, пытающееся вырваться из ловушки. Слышу хруст кости. Боль вспыхивает в моем пальце и распространяется вверх по руке со скоростью света. Мой собственный крик звучит где-то далеко. Крошечные огоньки кружатся перед лицом.

Щелк.

Я снова кричу. Агония достигает уровня, который мой мозг не в состоянии осмыслить. Сердце бьется так быстро, что кажется, будто оно может взорваться. Чистый ужас перед лицом предстоящих страданий от еще большей боли заполняет мою грудь. Мое тело неудержимо трясет, словно оно больше не связано с моей волей. Страх становится отдельной сущностью.

Щелк.

Это невозможно выразить словами, и когда он снова встает передо мной, я лишь мычу и хриплю, точно животное. Он поднимает пистолет и направляет прямо мне в голову. Я всхлипываю. У меня только одна мысль: «*Сделай это. Пожалуйста, просто сделай это*». Слезы и сопли текут по моему лицу. Я не могу контролировать реакции соб-

Не оглядывайся

ственного тела. Теперь достоинство потеряно окончательно. Он победил.

И он это знает.

Он смотрит на ствол. Я вижу прямо над мушкой, как уголок его рта приподнимается в жестокой недоулыбке. Он никуда не спешит. Он наслаждается этим, тянет время, смакует каждую секунду.

Мне ничего не остается, кроме как ждать. Я просто мечтаю, чтобы это закончилось. Мне хотелось бы взглянуть на него свысока. Мне хотелось бы быть храбрым. Мне хочется быть тем человеком, которым я всегда надеялся стать. Только, видимо, это просто не по мне. Одна попытка проявить добродетель не может отменить все плохое, что я натворил. Я трус и неудачник. В конце концов я закрываю глаза.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Глава вторая

Шериф Бри Таггерт стояла на улице в конце подъездной дорожки. Когда она увидела этот дом, ее желудок скрутило, легкая тошнота подступила к горлу. Северная часть штата Нью-Йорк находилась в эпицентре аномальной жары. В полдень воздух стал гнетущим и влажным. Женщину охватило чувство клаустрофобии, что казалось странным, поскольку она стояла снаружи. Но ощущение, что ее загнали в ловушку, было вызвано не замкнутым пространством. Причиной оказались воспоминания, нахлынувшие рядом с этим домом. Поскольку единственное место, в которое она боялась попасть, было ее прошлое.

Крыша просела. Ветры, дожди и запустение долгие годы сдирали краску с деревянных досок, сделав фасад бледно-серым. Нестриженные деревья и разросшаяся листва закрывали солнце, оставляя постройку в глубокой тени даже в столь яркий день в середине июля.

Бри вздохнула. Запах разложения и сырости застрял в ее ноздрах. Двадцать семь лет назад это был дом ее детства, однако у нее не осталось никаких теплых или хотя бы нейтральных воспоминаний, связанных с ним. Внутри этих гниющих стен отец застрелил ее мать, а затем покончил с собой, в то время как Бри, ее брат и сестра в ужасе прятались. Шериф вздрогнула; события прошлого, которые она

насиленно загнала в самые дальние уголки сознания, вылезли на свет, чтобы показать себя во всей красе.

Она взглянула на младшего брата, стоявшего рядом. В двадцать восемь лет Адам был долговязым, с непослушными каштановыми волосами, которые вились над ушами.

— Извини, я опоздала. — Она не объяснила причину. Ему не обязательно знать о студенте из колледжа, у которого рано утром случился передоз. Бри хотела бы забыть его лицо, уже посиневшее к тому времени, когда ее отдел прибыл на место. Но образ парня и рыдающих родителей наверняка будет преследовать ее еще некоторое время.

— Все в порядке, — проговорил Адам.

Пот стекал по спине Бри.

— Удивлена, что дом все еще стоит.

Его следовало бы стереть с лица земли.

— Старые дома прочны. — Адам не сводил с него глаз. — Так больше не строят.

Одноэтажное бунгало с тремя спальнями располагалось на большом участке, по большей части поросшем лесом. Густой навес из толстых ветвей перекрещивался над домом, отбрасывая тени между стволами деревьев, создавая жуткий пейзаж, достойный кошмара, который здесь произошел.

Адам подтолкнул Бри локтем.

— Ты уверена, что сможешь зайти внутрь?

— Да. — Эту неправду она произнесла автоматически, и ложь жгла ее грудь, как кислота.

Она никогда не смирится с тем, что здесь произошло, но ей удалось оставить все позади — в большей степени.

Теперь ее инстинкты требовали не переступить этот порог: там, по другую сторону, подстерегали воспоминания — точно монстры под кроватью.

Адам на несколько секунд закрыл глаза и сосредоточенно нахмурился.

— Все вокруг кажется знакомым, но я не могу вспомнить ничего конкретного. Я даже не могу представить ее лицо.

— Мне жаль. — Бри ощутила привычную для этого места атмосферу. Страх скопился у нее в животе. — Ты был совсем ребенком, когда ее не стало. Я и не ожидала, что ты ее запомнишь.

Он повернулся к ней. Тоска в карих глазах заставила ее прослезиться. Насколько усердно Адам пытался вспомнить их детство, настолько Бри старалась о нем забыть.

— Ты готова? — спросил он.

Нет. Бри посмотрела на переднее крыльцо.

— Это безопасно?

— Конструкция на удивление прочная.

— Ты был внутри?! — удивилась она.

Он отвел взгляд и пожал плечами.

— Пару раз. Я кое-что чинил.

Чувство вины давило на Бри. Ей следовало прийти сюда, когда он впервые попросил об этом несколько месяцев назад. Ему не стоит сталкиваться с этим местом в одиночку. Хотя он и выше нее на целую голову, он все еще ее младший брат.

Это ее работа — защищать его. Бри подвела свою сестру Эрин, и та умерла. Бри не могла повторить ту же ошибку с Адамом.

У нее пересохло во рту. Она хотела бы забыть напрочь о первых восьми годах своей жизни, тех, которые она прожила здесь со своей семьей, и о жестокой ночи, которая положила конец всему. Как только она войдет внутрь, она больше не сможет подавлять свои воспоминания. Никакие отговорки не помогут. С тех пор как в январе убили Эрин, Бри ушла с должности детектива отдела убийств в Филадельфии, переехала в Грей-Холлоу и взяла на себя заботу о восьмилетней племяннице и шестнадцатилетнем племян-

нике. Вернувшись в родной город, она сделала все возможное, чтобы дистанцироваться от своей детской трагедии. Она даже не думала о посещении родительского дома, пока этого не захотел Адам. Он помогал ей с детьми, выполнял все ее поручения, а в ответ попросил только об одном.

— Давай сделаем это. — Она перешагнула границу собственности и, обойдя лужу, направилась к дому.

Длинноногий Адам двинулся вперед. На прошлой неделе на этот район обрушились грозы, и низины оказались затоплены. Брат шагал энергично, в то время как Бри с трудом волочила ноги по засасывающей подошвы грязи. Когда-то подъездная дорожка была посыпана гравием, но мелкие камешки давным-давно утоптали.

Адам взбежал по ступенькам на крыльцо. Бри не позволила себе остановиться, пока не очутилась рядом с ним.

Как ни странно, доски крыльца не прогибались под их весом. Оказалось, что некоторые недавно заменены. Адам направился ко входу. Бри заметила, что дверь, петли и замок тоже новые, а дверной косяк отремонтирован. Интересно сколько раз Адам приходил сюда? Дискомфорт свернулся клубком в ее груди. Она позволила брату столкнуться с ужасом их прошлого в одиночку! Она подвела его! Но она не сделает этого снова, чего бы это ей ни стоило.

Что-то заскрипело на ветру, и волосы на затылке Бри встали дыбом.

— Ты слышал?

Адам пожал плечами.

— Наверное, из-за ветра. Задняя дверь распахивается. Я почию.

Это казалось правдоподобным, но Бри инстинктивно чувствовала неладное.

Он выудил из кармана ключ и отпер дверь.

Бри коснулась его плеча.

— Я пойду первой.

Шериф встала перед своим братом. Ее рука потянулась к табельному оружию на бедре.

Она глубоко вздохнула и вошла внутрь.

Гостиная оказалась пуста. Позади нее Адам пошаркал кроссовкой. Ковровая дорожка сгнила, превратившись в разодранные лоскуты. Вдоль стен скопились грязь и листья. Но Бри больше не видела заброшенный дом таким, какой он сейчас: она словно перенеслась в ту самую ночь, когда в последний раз находилась под этой крышей.

Адам что-то сказал, но его голос приглушали воображаемые звуки ссоры родителей и громкий шлепок, когда отец ударил маму.

— Бри? — Адам толкнул ее под руку.

Она встряхнулась.

— Прости.

Его взгляд стал нерешительным, будто он спорил сам с собой. Бри мысленно взмолилась, чтобы он передумал и вытащил ее отсюда, но она подозревала, что это уже не имеет значения. Ничего не исправить. Она уже вспомнила.

Всё.

Его челюсть напряглась.

— Какая из этих комнат моя?

Бри повернулась и пошла по коридору, который вел к спальням. Она прошла мимо комнаты, которую делила с Эрин, и остановилась в дверях самой маленькой, детской, теперь пустой.

— Вот эта.

Адам последовал за ней. Она провела пальцем по грязной стене и обнаружила пятно выцветшей голубой краски.

— Она была взволнована тем, что у нее будет мальчик. Помню, я смотрела, как она закрашивала розовый. — Бри указала на след на стене. — Твоя кровать стояла там.

Адам повернулся, осматриваясь.

— Я ничего не помню.